

С.М. Любецкий

Московские окрестности

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.М. Любецкий**
Московские окрестности / С.М. Любецкий – М.: Книга по Требованию, 2014. –
330 с.

ISBN 978-5-458-05907-7

Московские окрестности, ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде, для выбора дач и гулянья. Здесь также описывается характеристика и быт московских жителей дедовских и наших времен: гулянья, празднества, увеселения и другие замечательные события. Очерк истории земледелия и садов с древнейших времен.

ISBN 978-5-458-05907-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
ГЛАВА I. Общій взглядъ на дачи и на дачную жизнь. Наступленіе весны въ городѣ и въ деревнѣ	1
ГЛАВА II. Дачи, находящіяся за Тверской заставой и въ окрестностяхъ ея	12
ГЛАВА III. Мѣстность около Трехгорной заставы	24
ГЛАВА IV. Дачи за заставами: Калужской, Прѣсеневской и Дорогомиловской	26
ГЛАВА V. Филы, Мазилово и Кунцево	36
ГЛАВА VI. Цальныя дачи за Мѣзской заставой	42
ГЛАВА VII. Дачи за Крестовской заставой, по боковой сторонѣ Троицкой дороги	47
ГЛАВА VIII. Оставкино, Леоново, Свиблово, Медвѣдково	60
ГЛАВА IX. Взглядъ на большія дороги вообще	82
ГЛАВА X. Алексѣевское, Ростокино, Большія Митищи, Танинское, Пушкино, Братовщина, Поклонная гора	88
— — Софрино, Галычино, Рахмацово, Вздвигенское, Гора Волкуша, Визанія, Деулино	102
ГЛАВА XI. Дачи за Сокольничьею заставой и окрестности ихъ	108
ГЛАВА XII. Мѣстности за Спасской заставой съ своими окрестностями	123
ГЛАВА XIII. Мѣстности и дачи въ окрестностяхъ заставъ Проломной и Симоновской	137
ГЛАВА XIV. Село Коломенское	142

II

Стран.

ГЛАВА XVI. Село Кусково — Спаское; праздникъ въ Кусковѣ, по случаю прибытія въ него Имп. Екатерины II.	149
ГЛАВА XVII. Окрестности Кускова: Гуреево, Бедрино; Воздушный театръ въ немъ, Косино.	167
ГЛАВА XVIII. Продолженіе описанія окрестностей Кускова и Косина.	180
ГЛАВА XIX. Дачи и мѣстности за Серпуховской заставой: Царпцyno, Дубровица и проч.	194
ГЛАВА XX. Мѣстности близь Рогожской заставы: Воксаль и Горелки съ бывшемъ знаменитымъ своимъ садомъ.	210
ГЛАВА XXI. Ближнія дачи за Мюзской заставой.	258
ГЛАВА XXII. Очеркъ исторіи земледѣлія, садовъ и украшенія ихъ съ древнѣйшихъ временъ.	271
ГЛАВА XXIII. Общій взглядъ на весеннія и лѣтнія гулянья и праздники; разныя преданія объ нихъ.	301

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на дачи и на дачную жизнь. Наступленіе весны въ городъ и въ деревнѣ.

У иностранцевъ каждая мѣстность, каждое зданіе, относящееся къ какой нибудь эпохѣ изъ ихъ исторіи, увѣковѣчены въ описаніяхъ. «Хочется знать старину, какова бы она ни была, хоть чужую, а своя гораздо милѣе», сказалъ Карамзинъ.

По количеству важныхъ событій въ нашей исторіи, у насъ, сравнительно, мало памятниковъ минувшаго времени, и тѣмъ заботливѣе должны мы сохранять ихъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, такому отношенію къ нашей старинѣ много мѣшаетъ малое знакомство съ нею, почти полное забвеніе воспоминаній, связанныхъ съ тою или съ другою мѣстностью. Чтобы не ходить далеко, укажемъ хоть на окрестности Москвы; многія изъ нихъ дышатъ историческими воспоминаніями, и грустными и отрадными; но воспоминанія эти составляютъ достояніе лишь немногихъ любителей старины.

По возможности восполнимъ этотъ пробѣлъ, но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ вообще о дачахъ, находящихся въ окрестностяхъ Москвы^(*).

Что такое наши дачи, когда они получили свое названіе? Встарину вся Москва, со всѣми своими пригородьями, выселками и приселками, принадлежала удѣльнымъ великимъ князьямъ; а потомъ царямъ, которые раздавали земли, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ окрестности ея, въ видѣ награды, ближнимъ своимъ боярамъ за ихъ заслуги; эти награды или подарки назывались *дачами*, которые находились не только на окраинахъ Москвы, но тѣснились и въ самомъ Кремль. Тогдашнія загородныя мѣстности отдѣлялись отъ главныхъ частей города деревянными надолбами и рвами; а со времени Екатерины отдѣлились камеръ-коллежскимъ валомъ (**).

(*) Собственно о Москвѣ, о святыняхъ, о древнихъ урочищахъ и о прочемъ много было писано (въ томъ числѣ есть и мои скромныя лепты); окрестности же ея могутъ служить дополненіемъ жизни, быта, и вообще характеристики нашей столицы.

(**) Онѣ имѣютъ въ своей окружности около 40 верстъ; самая большая ширина Москвы отъ Преображенскаго до Воробьевыхъ горъ — 11 верстъ; далѣе отъ Троицкой до Даниловской заставы — 8 съ 1/2 верстъ.

Выѣзды лѣтомъ въ подмосковныя дачи и въ свои помѣстья сановитыхъ господъ начались болѣе со временъ Петра I-го; но этимъ благомъ могли пользоваться только богатые люди. Въ концѣ прошлаго столѣтія градоначальники Москвы жили въ лѣтнее время въ Петровскомъ дворцѣ, а завѣдывающіе кремлевскою экспедиціею—въ Царицынѣ. Съ теченіемъ времени Москва стала расти богатырски и раскидываться на всѣ стороны; въ былыя времена дачи, находившіяся въ самой Москвѣ, имѣли широкой просторъ и полную сельскую обстановку: тѣнистые сады и огороды; тогда почти у каждаго домовладыки находились плодовые деревья и ягодныя растенія, пруды, мыльни, пчельники и пр. Въ послѣдствіи времени широкія мѣстности въ Москвѣ мало по малу стали застраиваться домами; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ окрестностяхъ столицы начали размножаться загородныя дачи; съ каждымъ годомъ потребность въ нихъ ощущалась все болѣе и болѣе.

Что нужно для дачъ?—чистый воздухъ, проточная, свѣжая вода, сухая почва земли и обиліе лѣса (преимущественно пихтъ и сосенъ). Что дачи полезны въ гигиеническомъ отношеніи, всякому извѣстно и по теоріи и по практикѣ; но требованія отъ дачной жизни не у всѣхъ одинаковы: нѣкоторые переѣзжаютъ на дачи, какъ въ лѣчебницу;

для поправленія здоровья; чтобъ жить лицомъ къ лицу съ природой; имъ нуженъ воздухъ, лѣсъ, въ которомъ бы можно было отдохнуть сладко—дремотно, подъ обмахиваньемъ древесныхъ вѣтвей, — а другіе ѣдутъ на дачи для удовольствія, третьи для какихъ-нибудь видовъ. . . . и живутъ въ такъ называемыхъ *загородныхъ городкахъ*, напр. въ Петровскомъ паркѣ или въ душно-пыльныхъ Сокольникахъ или болотномъ Петровскомъ-Разумовскомъ и въ Останкинѣ, гдѣ настоящій акваріумъ, гдѣ привольно жить земноводнымъ. Многие обращаютъ вниманіе на внѣшность дачныхъ пріютовъ, на ихъ фигурныя фізіономіи, на игрушечные висячіе балкончики, увитые плющемъ и т. д. Инымъ нуженъ не отдыхъ на дачахъ, но балы, концерты, фейерверки и изысканный туалетъ (вериги своего рода). Но лѣтняя природа за городомъ даетъ свои даровые концерты: дремотный, но гармоническій шумъ дубравъ, глухіе раскаты грома, солисть-соловей, меланхолическіе высвисты иволги, игривый, веселый жаворонъ и другіе пернатые южные переселенцы—вотъ самоучки артисты для загородныхъ концертовъ; а огненные пороховыя потѣхи замѣняются тамъ грозной красотой — зигзагами молніи, обливающей огнемъ своимъ темныя облака или вспышками восходящаго и закатнаго солнца, подобными бенгальскому огню. Вдали отъ горо-

довъ живѣе бьется пульсъ жизни. У всякаго свой вкусъ и чувства: иные любятъ гулять до усталы, до изнеможенія, другіе устаютъ лежавши или сидя за картами.

Лишь только мѣсяцъ Мартъ (бокогрѣй) начнетъ принимать въ свое распоряженіе природу, всѣ газеты наполняются объявленіями, зазывными приглашеніями на дачную жизнь въ разныхъ близкыхъ и дальнихъ загородныхъ мѣстностяхъ, обружающихъ нашу столицу. Еще ледъ затягиваетъ лужи тонкимъ слоемъ, снѣжные мотыльки кружатся въ воздушномъ океанѣ, еще густые туманы, будто прозрачнымъ газомъ, обволакиваютъ природу, еще многіе горожане прогуливаются по московскимъ тротуарамъ, укутанные въ пушистые мѣха и обутые въ камчадальскіе сапоги, а мысли о наймѣ дачъ уже тѣснятся въ ихъ воображеніи.

Въ Мартѣ городскимъ жителямъ едва замѣтно наступленіе весны; изъ большихъ городовъ зиму выгоняютъ ломами, топорами, скребками, метлами, растопленный снѣгъ смегается съ тротуаровъ, мостовыя обнажаются, по нимъ скрипятъ еще санныя полозья, а порою пограмыхиваютъ уже колеса; но посмотрите что дѣлается въ деревняхъ еще при раннемъ наступленіи весны, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ поселяне появленія ея.

Ксенія полухлѣбница уже давно прошла, половина запаснаго хлѣба давно уже съѣдена, пора подумать о новомъ посѣвѣ; старинная русская поговорка говоритъ: «не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника».

У поселянъ свой календарь; вотъ наступаетъ *Василій капельникъ*, онъ пожметъ зиму и, говорятъ, съ тѣхъ поръ она заплачетъ капельками, подтаенные снѣга зароняютъ слезки съ крышъ. Съ *Евдоіи* исчезаютъ морозы лихіе, а тутъ за ними слѣдуетъ *Герасимъ грачевникъ*, прилетаютъ грачи черноносые, а за нимъ и жаворонки, веселые летунчики-лѣвунчики, игрунчики, вотъ и *Федулъ* теплою вѣшнимъ подулъ, а тамъ скоро и *Алафьи-Руфы*, весь ледъ порушатъ и *Дарьи прорубницы*, намочитъ бабамъ хвосты, а батюшка *Антипъ водополю* всю зиму помететъ, столкнетъ, а тамъ ужъ оглобли выверны, да сани убирай подъ навѣсъ, вплоть до *Ермея запрягальника*; стихія Божья, стихія вольная вода повсюду разливается, а на Апостола Пуда ужъ и пчелоуъ вынимаютъ изъ подъ спуда.

Да, послѣ круглой зимы, жгучихъ морозовъ и полугодоваго оцѣпененія природы, отрадно видѣть проблески, кѣкъ будто помолодѣвшаго, солнышка, выводящаго за собой весну красную; впрочемъ зима отступая, не вдругъ еще передаетъ права свои

веснѣ, она еще упирается и огрызается морозами и вьюгами.

Вотъ наступаетъ и Апрель, часто суровый (жакое-то пятое время года), свирѣпый Берей тормошитъ, ерошитъ обнаженные макушки деревъ, весеннее солнце еще плохо, недобросовѣстно исправляетъ свою должность, а мысли о наймѣ дачъ у горожанъ не охлаждаются порывистымъ вѣтромъ, поддерживаемая надеждой на щедрый бенефисъ, даваемый намъ лѣтомъ природою. Въ городахъ все еще идетъ по прежнему, декорация почти все таже. Но въ деревняхъ, при вѣяніи ласковаго вѣтерка, жизнь начинаетъ уже мало по малу шевелиться между поселянами. Въ началѣ Апрѣля, а иногда съ Благовѣщенія, они переселяются изъ избы спать въ избы, въ сарай и въ холодники; старики, кряхтя, спускаютъ босыя ноги съ полатей и кутниковъ, надѣваютъ опурки, оттопки и переселяются съ ночедыномъ на завалинки, на припекъ солнышка, ковырять лапоты; старухи также покидаютъ свое теплое гнѣздо—печку, взрослые ребята, въ тулупахъ, въ накидку, выходятъ изъ избъ своихъ отмыкать тропицы изъ прищуренныхъ окошекъ, чтобъ пропустить свѣжій воздухъ въ свои закоптѣлыя жилища и снять съ полуразвалившихся трубъ опрокинутые горшки. И вотъ съ приближеніемъ весны, приближается

и свѣтлый праздникъ, молодежь начинаетъ охорашиваться, дѣвки сбрасываютъ съ себя кислые овчинные шубяки и напяливаютъ лѣтніе кумачныя сарафаны; парни, мѣняютъ бараньи (бязковыя) шапки и треухи на полковныя шляпы, сбрасываютъ зипуны и надѣваютъ красныя рубахи съ запонками, затыкаютъ за поясъ мѣдную расческу и предовольные собой, выходятъ на улицу; но погодите, еще не настала Егорій съ *припекомъ*, еще щука не разбила хвостомъ своимъ ледъ на рѣкѣ, еще птичка овсянка не запѣла *веснянки*, а дѣвица красная свою завѣтную пѣсенку: *скучно, матушка, весною жить одной*; еще дѣвушки не бѣгали на рѣку почерпнуть свѣжей водицы, пока воронъ не взмугилъ ее, не обмочилъ въ ней крыла своего, еще черноносые грачи не облепили макушки сосенъ, какъ черными шапками, хотя домовитые большаки (хозяева домовъ) уже справили сохи, закрѣпили въ боронѣ зубья и перетянули шины на колесахъ.

Но вотъ, особенно на солнцепегѣ, остатокъ снѣга уже растопился, побурѣлъ, блеснули ручьи на поляхъ, забѣгали змѣйками, заиграли, зарѣзвились, какъ шаловитыя дѣти—вотъ поднялся паръ отъ земли, это она *отходитъ*, надъ ней виснуть, бѣгутъ въ перегонку лиловыя или аспиднаго цвѣта облака, чреватая дождемъ, вотъ они какъ будто